

НОВЫЕ «ГЕРОИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ» В ОЧЕРКАХ 90-х гг. XX в.

У статті розглядається нарис 90-х рр. XX ст., його нові риси, нові герої, тематика, що зазнала змін. Відзначається, що в це десятиріччя нарис пішов з авансцени літературного розвитку, а зі зміною соціокультурної ситуації перестав бути актуальним, зокрема такий його внутрішньо жанровий різновид, як проблемний нарис. Тим не менш у 90-ті рр. з'явилося чимало творів цього жанру, які викликають інтерес як свідчення нещодавньої, але такої, що вже забувається, історії.

Ключові слова: нарис, публіцистика, документально-художній жанр, нові «герої часу».

В статье рассматривается очерк 90-х гг. XX в., его новые черты, новые герои, изменившаяся тематика. Отмечается, что в это десятилетие очерк ушёл с авансцены литературного развития, а с изменением социокультурной ситуации перестал быть актуальным, в частности такая его внутрижанровая разновидность, как проблемный очерк. Тем не менее в 90-е гг. появилось немало произведений этого жанра, которые вызывают интерес как свидетельства недавней, но уже начинающей забываться истории.

Ключевые слова: очерк, публицистика, документально-художественный жанр, новые «герои времени».

The article deals with an essay of the nineties of the XXth century, with its new traits, new heroes, changed themes. It is noted that in the last ten years the essay has gone from the proscenium of literary development, and with the change of social and cultural situation seized to be urgent, particularly such its variety within the genre, as a problem essay. However in the nineties a lot of works of this genre appeared, which arouse interest as the evidences of the recent but beginning to become forgotten history.

Key words: essay, social and political journalism, documentary and fiction genre, new «heroes of time».

В 90-е гг. очерк занимает значительное место на страницах периодических изданий, в нём ставятся и решаются актуальные и социально значимые темы. На развитие русской литературы и культуры в целом положительно повлиял принятый в 1990 г. новый «Закон о печати», отменявший цензуру и таким образом способствующий развитию художественного творчества и, в частности, очерковой литературы. На страницы периодики выплеснулась угнетаемая десятилетиями интеллектуальная энергия. Актуальным оказывается проблемный очерк, в котором ставились насущные вопросы общественного развития, политики, экономики. . . Социологическая оптика очерка, присущее ему публицистическое и аналитическое начала оказались востребованы. С одной стороны, литература стала фиксировать изменившуюся реальность, что привело к смене тем и героев; с другой – по-новому продолжала старые темы. Одной из таких «старых» форм является

бытописательный очерк, посвящённый жизни большого города, обладающий к тому же и признаками проблемности.

В очерке 90-х гг. возникают новые черты, казалось бы, не свойственные этому жанру. В то время, когда очерк утверждался в русской литературе, в нём, как и в целом в произведениях первых русских реалистов, по мнению Ю. Манна, «установилась “разность” между автором и его героем, между авторским сознанием и сознанием персонажа...» [6, с. 235]. Такого рода «разность» чрезвычайно ярко проявилась в «физиологиях» и в той или иной мере сохранялась в очерке до конца XX в. Порой, однако, автор очерка мог примерить «маску» своего персонажа (скажем, извозчика или рыбака), но это было временное «переселение» автора. В 90-е гг. авторы очерков часто писали о себе, своём опыте («Челноки» А. Коротцадзе, «Записки русского фабриканта» А. Паникина, «Записки мелкого предпринимателя» А. Михеева и др.). Персонажи этих очерков являются прямым alter-ego автора, как в романтической прозе, хотя здесь и нет романтической идеализации действительности. В очерке возникает автобиографическое, исповедальное начало, откровенно горькое, порой циничное. В тех же случаях, когда автор всё же отделён от своего персонажа, как в очерке Л. Лавровой «Лишние», предельная эмоциональность повествования меняет эту дистанцию; это не рассказ наблюдателя-исследователя, и здесь сильное личностно-исповедальное начало. Насколько такие перемены отвечают «собственной изменчивости жанра» (М. Бахтин), внутренней мере очерка? На этот вопрос ответ может дать только время. Во всяком случае, очерк на рубеже XX–XXI вв. точно отразил изменения, происходившие в социальной психологии. В 80-е гг. в нём парадоксально сочеталась романтическая вера в благотворность перемен и надежда на разумный рационализм. Этим настроениям соответствовала публицистически-аналитическая природа очерка, и он их выразил ясно и полно. Действительность «лихих 90-х» оказалась сложнее, чем можно было предположить в 80-е, в рациональные схемы она не укладывалась, строгому научному описанию не поддавалась. Очеркисты зачастую фиксировали личные впечатления от экономических и социальных перемен, которые часто были неутешительны. Избранное ими повествование от первого лица – форма трансляции личного, а значит достоверного, опыта утверждения в новой реальности, который часто был отрицательным. Время породило новых «героев». Новые персонажи возникли и в очерках – предприниматели, безработные, «челноки», беспризорные дети; произошло и расширение тематики и проблематики жанра.

В начале 90-х гг., после общественной активности предшествующего десятилетия наступила пора разочарования, скепсиса, вызванных неудачами экономических реформ, настроениями социальной демобилизации. В это время социокультурная ситуация изменилась кардинально: литература утратила свою учительскую, просветительскую функцию, в результате и проблемный очерк перестал быть актуальным. Впрочем, есть и иная точка зрения на влияние литературы на действительность: «Сегодня, после русской перестройки и других бархатных революций, – пишет А. Эткинд, – мы больше готовы идентифицироваться с субъектами, которые, по выражению Фуко, кроют сами себя. Нас волнует соперничество авторов, меняющиеся выборы публики, агрессивная работа текстов, накладывающих свои модели на сопротивляющуюся жизнь» [11, с. 456]. Нынешние взаимоотношения «агрессивного текста» и «сопротивляющейся жизни» напо-

минают то, что происходило в культурном пространстве прошедшего столетия. И всё же происшедшие изменения несомненны.

Ещё В. Канторович полагал, что читателя в очерке «увлекают социальные мотивы, типичные для современности характеры и конфликты» [2, с. 351]. Однако после увлечения такого рода публицистикой в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия большинство читателей утратило к ней интерес. В середине 90-х идеологическая нагрузка очерка, учительские интонации, в нём звучащие, перестали восприниматься читателем. В 1997 г. В. Топоров, рассуждая о кризисе в литературе, отмечал: «... в широких кругах читающей публики – если таковая ещё есть – нарастает недоумение, переходящее в негодование. Лозунг Паниковского “А ты кто такой?” овладевает массами. И действительно, кредит доверия, выданный в начальные годы перестройки бывшим нелегалам и полуофициалам, давным-давно исчерпан, а творческой отдачи (как сказали бы в советское время) нет и не предвидится» [10, с. 388–389]. С этим суждением известного низвергателя основ и авторитетов можно согласиться, но с некоторыми оговорками. Ещё остались авторы, которые своим творчеством упомянутый «кредит доверия» отработали сполна. Скажем, Б. Екимов, известный своими деревенскими очерками, печатавшимися в «Новом мире» в 90-е гг., в 2000-м издал сборник повестей и рассказов «Пиночет», близких по тематике и проблематике к его очеркам, посвящённым проблемам современной русской деревни. Традиция такого рода очерковой прозы восходит, как известно, к «Запискам охотника» И. Тургенева.

В последние годы журналистике произошли качественные изменения: внимание читателей с документально-художественных жанров переключилось на информационные (репортаж, заметка, интервью и т. д.), и очерк перестал быть признанным «королём» публицистики. Однако в 90-е гг. он всё ещё продолжал печататься в «толстых» журналах. Правда, несколько поменялась его тематика, поскольку изменилась и сама действительность. Тем не менее основные разновидности очерка были представлены достаточно полно. Скажем, проблемные очерки печатались в журнале «Дружба народов» («Челноки» А. Коркотадзе, «Лишние» Л. Лавровой). В «Новом мире» в это же время были рубрики «Очерки наших дней», «Времена и нравы», «Дневник писателя». Новые «герои времени» – предприниматели – были представлены, скажем, в очерках П. Пэнэжко («Предприниматели. Попытка группового портрета в посткоммунистическом интерьере»), А. Михеева («Записки мелкого предпринимателя», «Золотое копчение»), А. Паникина («Записки русского фабриканта»). Очерки тех лет посвящались также судьбам детей-сирот («Государственные дети» Л. Самойловой), жизни провинциальных городов и ближнего зарубежья («На распутье» Б. Екимова, «Крымская памятка» В. Коробова). Таким образом, мы видим, что в публицистике конца XX в. проблемный очерк всё ещё был востребован.

90-е гг. протекали бурно, и каждый год нёс какие-то перемены. В начале десятилетия возникла и новая тема в публицистике – предпринимательство. П. Пэнэжко в своём очерке «Предприниматели. Попытка группового портрета в посткоммунистическом интерьере» изображает нескольких представителей нового класса, рассказывает о роде их деятельности, о проблемах и перспективах бизнеса. Первый из них – банкир Юрий Иванович Львов – человек прогрессивный, старающийся помочь стать на ноги нарождающемуся классу предпринимателей, не жалеющий средств на благотворительность, по-

нимающий, откуда взялись проблемы в некогда мощной экономике; он убеждён, что все беды «пронистекают ещё от “великого Октября”, когда политика стала диктовать экономике. По сути, и перестройка не изменила этого положения вещей. И реформа экономическая покатила по ленинским рельсам» [9, с. 179]. И банкир Львов – один из тех, кто старается эти ошибки исправить, т. е. вложить немалые средства своего банка в развитие страны. Явление отрадное, но нетипичное, да и поиск положительного героя нового времени идёт ещё от Великого Октября, если воспользоваться терминологией автора очерка.

Вторым представителем нового класса, описанном в очерке, стала директор швейной фирмы «Гарант» Елена Жуковская. Тогда, в начале 90-х, ей удалось занять одну из свободных ниш на рынке; из многих вариантов она выбрала пошив детской одежды; а начинала своё дело в заброшенном подвале на Невском с десятком швей. «Шить джинсы-варёнки, конечно, заманчиво, – рассуждает Жуковская. – Но ведь понятно: где больше прибыли, там туча всякого рода чиновников, желающих получить на лапу. А на детских платьишках и шортиках никому и в голову не придёт выбирать людей, затыкающих, можно сказать, брешь в госсекторе» [9, с. 183]. В то время, когда она занялась предпринимательством, дешёвое и однотипное «корейско-китайское шмотьё» уже продавалось на каждом углу. Поэтому новая швейная фирма старалась брать качеством и ассортиментом. К тому же Елена Жуковская, не пожалев времени и денег на собственное обучение в Америке, очень скоро обнаружила, «что в основе всех технологических и менеджерских изысков у американцев лежит простая вещь – здравый смысл» [9, с. 183], что положительно сказалось на производстве. Руководствуясь именно здравым смыслом, она сделала «Гарант» лидером в своём сегменте рынка. Успех был несомненный, но, к сожалению, в жертву делу была принесена собственная семья. «Мужа я дома не вижу. Сама пропадаю на работе. Ребёнок растёт без нашего участия. Полная безотцовщина. Конечно, я могу всё покупать на рынке, не стесняясь ценой. <...> Но что это за благополучие, когда хотя бы за ужином нельзя посидеть всей семьёй?!» [9, с. 185]. Казалось бы, так рассуждает обычная женщина, которая волею судеб вдруг стала предпринимателем, и её это в какой-то степени тяготит. Однако дальше следуют её довольно жёсткие рассуждения, позволяющие предположить, что новые социально-экономические реалии вызвали к жизни и новые личностные качества: «... Да, конкурента нужно съесть. Если мы сильнее, я должна это сделать» [9, с. 185]. Зато теперь у Жуковской с мужем Ильёй Баскиным только в швейном производстве работает более девятьсот человек. Сам же Баскин занялся строительством морского порта, организацией торгового дома, металлической архитектурой («склады, производственные цеха, различные конторы: собираются по принципу картонных домиков в самые сжатые сроки» [9, с. 190]). В этом очерке утверждается популярная на рубеже 80–90-х гг. идея, мол, рынок всё расставит по своим местам. В результате «и волки сыты, и зайцы живы», разумеется вполне здоровые – хилое потомство съедено.

Героем очерка П. Пэнэжко стал и 35-летний президент финансовой корпорации «Арман» Владислав Яснопольский. Начиная он на родине, в Чебоксарах. Далее – как у многих: школа – завод – армия – вуз. Яснопольскому досталась «совковая» наследственность, о чём он сам говорит с горечью «... трудно заниматься коммерцией при нашей дурной инфраструктуре, ненадёжности партнёров, зверских налогах. Но оказывается, что-то можно всему этому противопоставить [9, с. 190]. Найди дыру в законах, заполни пустующую нишу – и всё в порядке. Здесь возникает некоторая идеализация «независис-

мого частника». Его независимость весьма относительна: если он не сумеет вписаться в «бюрократический монолит», то погибнет. Но автор очерка эту особенность русского капитализма видеть не хочет, вероятно, из самых лучших побуждений. Стремясь утвердить то, что должно быть, но чего всё-таки нет, он по-своему продолжает традицию советского очерка и создаёт портрет своего рода передовика капиталистического труда. Автор очерка с уважением, местами с удивлением пишет о новой экономической ситуации в стране и новых героях своего времени: «Так что ж они, эти бизнесмены, – своего рода государство в государстве? Нет, всего-навсего независимая частичка в этом огромном конгломерате» [9, с. 195]. Очерк П. Пэнэжко продемонстрировал главное качество жанра – актуальность и злободневность. Сегодня эта тема была бы менее интересной, поскольку новый класс уже сформировался и обществу уже не надо объяснять, кто такие предприниматели, какие цели преследуют и какая от них польза или вред.

Однако многие современные «акулы бизнеса» вышли из мелкого предпринимательства. О своём опыте в такого рода деятельности написал в своём очерке «Записки мелкого предпринимателя» А. Михеев. Здесь надо заметить, что, в отличие от П. Пэнэжко, он сам познал все «прелести» предпринимательства в забывшей, что это такое, стране. Автор «Записок...» подробно описывает и мытарства за разрешительными документами по госконтторам, и предательство компаньонов, и сопутствующий всем начинаниям рэкет (в том числе и упомянутых госконтор). А. Михеев, по основному роду деятельности журналист и писатель, в начале всё тех же 90-х занялся не свойственной себе деятельностью – предпринимательством. «Упустить такой фарт <...>, не окунуться в мир бизнеса, причём уж если окунуться, так с головой, так, чтобы руки дрожали при подсчёте выручки, – нет, упускать такую возможность было бы высшей глупостью», – решил автор-персонаж [7, с. 159]. Самое начало рыночных отношений – благословенное время для наиболее быстро ориентирующихся в ситуации граждан, к которым, без сомнения, принадлежал и автор «Записок»: «Никаких тебе инспекторов, проверяющих, указывающих, ни милиции, ни санэпиднадзора, ни фактур, ни разрешительных бумаг, ни налогов – и торговать можно было где угодно» [7, с. 161]. Но, разумеется, не только автор «Записок...» занялся прибыльным делом; возникла конкуренция, и ниши захватывали всё новые «персонажи». Тем не менее автор очерка признаёт: «Какая-то иссушающая одержимость владела мною» [7, с. 164]. В какой-то степени эта одержимость схожа с психологией солдата-наёмника: воевать дольше и заработать больше. И несмотря на то, что капитал быстро рос, автор-персонаж страдал от того, что оборот слишком растянут из-за неподходящего расписания поездов: «времени не ждёт, конъюнктура может вдруг измениться...» [7, с. 164]. И здесь-то у, казалось бы, свободного предпринимателя возникают мысли о собственном рабстве, о власти денег и конъюнктуры. Но не о возможности освободиться – только лёгкая зависть к двум загорающим на берегу Жигулёвского моря девушкам, не обременённым раздумьями об ускользающей в силу объективных причин прибыли: «...мучаюсь, борясь с самим собой, понимаю уже, что это сумасшествие: выгляни, посмотри вокруг, передохни, – но, увы, не в силах переключить себя на другое» [7, с. 165]. Автору-персонажу всё же удалось вырваться из тенет бизнеса – когда ему надоело возиться с товаром, заниматься торговлей, шумными покупателями и, главное, надоели деньги и связанная с ними повседневная суета. В результате гены «свободного художника» победили гены деда – купца второй гильдии. Очерк А. Михеева интересен тем, что

деятельность предпринимателей периода «первичного накопления капитала» показана изнутри; так же скрупулёзно проанализирована психология человека, занявшегося не свойственным ему делом, которое, однако, у него «пошло», и он увидел самого себя в совершенно непривычном и неожиданном ракурсе. Такого рода психологизм для классического очерка нехарактерен, но в жанровой разновидности, утвердившейся в 90-е гг., которую условно можно назвать автобиографической, он уместен и интересен.

Новые социально-экономические реалии способствовали возникновению, ещё одного, если не класса, то уж во всяком случае, новой «прослойки» и новых героев – «челноков», мелких торговцев, как правило, с высшим образованием, поставщиков ширпотреба из дальнего зарубежья, когда за границу потянулись «сотни автобусов из нашего печального СНГ...» [3, с. 129]. О них говорится в очерке А. Коркотадзе «Челноки». Автор подробно рассказывает об особенностях этой профессии, опасностях, подстерегающих их за границей и на Родине, о бесправии и обмане, в конце концов, о риске, которому они подвергаются по обе стороны границы, издевательствах чужих и, главное, своих таможенников. Он подробно описывает свою поездку в Стамбул через Украину, Румынию и Болгарию. По мнению автора, эта новая профессия – продукт распада старой системы социализма. А. Коркотадзе в лучших традициях русской публицистики говорит о проблемах – языковых, экономических, ментальных этого нового общественного «класса». Однако не будем забывать, что именно из рыночных палаток появились некоторые крупные гипермаркеты, а их владельцы тоже начинали с челночного бизнеса, возможно, сегодня стараясь не вспоминать, как в далёкие 90-е они, вернувшись с тяжеленными клетчатými баулами, на чём свет кляли «свою страну и таможенников, давая зароки и клятвы “завязать” наконец с этой проклятой Турцией...» [3, с. 137] и говоря про себя: «Вот мы и вернулись, Родина, с баулами и мешками под глазами. Страна, встречай своих героев!» [3, с. 137]. Ирония в финале очерка звучит горько: сменились ценности на просторах некогда великой страны, и на авансцену жизни вышли новые герои. В очерке «Челноки» идёт речь о представителях новой профессии, но это не «физиология», а скорее исповедь: и в этом очерке ситуация изображена изнутри – так, как её видит один из «челноков», вынужденный заниматься не свойственным ему делом.

Очерк А. Паникина «Записки русского фабриканта» рассказывает о сложном пути, который прошёл современный русский капитализм. Начинаясь он, как водится, с противозаконной коммерции, «цеховиков», «кустарей». Автор подробно говорит о том, с чего начиналось его дело, – с реализации ширпотреба, изготовления клипсов, игрушек, детских пинеток и т. д. Причём А. Паникин замечает, что он занялся деятельностью, на первый взгляд, ему не свойственной, – в силу образования, профессии, образу жизни, наконец. «Сам удивляюсь, как мне вообще удавалось придумывать что-либо, не имея никаких инженерных наклонностей, – пишет он. – Единственное разумное объяснение, думаю, состоит в том, что любой глубоко погружённый в проблему человек, пусть и бессознательно, будет искать, перебирать, сравнивать варианты и в конце концов найдёт подходящее решение» [8, №11, с. 172]. Автор-персонаж был одержим идеей предпринимательства, он, организуя своё дело, находил единомышленников, которые помогали ему не обязательно за деньги; им, уставшим от «конвейера “социалистического производства”», был интересен сам процесс в каком-то конкретном, не совсем обычном человеческом деле» [8, №11, с. 172]. А. Паникину удавалось обходить советские законы,

пресекавшие частное предпринимательство, находить в них лазейки и бреши. «...Мне кажется, – отмечает он, – что полный запрет частного предпринимательства настолько неестественен и парадоксален, что его невозможно правильно юридически оформить. Право, ограждающее бетонной стеной социалистическое общество, всегда будет зиять огромными дырами, через которые можно без труда вытащить всё, что угодно» [8, №11, с. 174]. Автор очерка отмечает, что занятие кустарным промыслом в условиях советского времени, ещё до разрешения кооперативного движения, давало бесценный опыт организации и управления. Конечно, власти не могли спокойно наблюдать, как предприимчивые советские граждане становятся частными предпринимателями и коммерсантами. Вот и автор-персонаж на себе почувствовал мёртвую хватку правоохранительных органов (хотя охраняли они скорее бесправие людей), попав в следственный изолятор и подвергаясь изнурительным допросам; однако он не сломался и дождался-таки закона о кооперативах. А. Паникин пишет, что ни о чём не жалеет, более того, считает, что ему повезло: «...я совпал со временем, которое отодвинуло в сторону “бесхлопотное” <...> “социалистическое” существование и потребовало совсем иного отсчёта. И всё же на вопрос, как это стало возможным, что заставляло двигаться, точного ответа нет – в нём больше рации, чем живой истины» [8, №12, с. 169]. Автор очерка отмечает, что люди в основном потеряны и бедны (очерк был напечатан в 1997 г., но вряд ли что-то существенно изменилось), а у такого общества мало смысла и нет перспектив. Но он не верит, что великая страна может согнуться: «Происходящее ныне – не первое и не последнее уготованное нам испытание, рецептов нет, но связь времён, будем надеяться, неразрывна» [8, №12, с. 169]. Однако как человек резво мыслящий и зоркий, А. Паникин не мог не видеть, как происходило то самое «первичное накопление капитала», описанное ещё классиками марксизма: «...не успели ещё остыть перестроечные восторги, как мы вновь оказались в старой колее лжи и цинизма <...> Уничтожив государство, которое нас душило, новая власть ничего, в сущности, не предложила взамен. Дорвавшись до баснословных барышей, будут клевать, пока их не разорвёт <...> Промышленность <...> большей частью разрушена, а в другой части служит обогащению немногих, присваивающих себе богатства, принадлежащие всем. Отхватив самые лакомые куски, они безжалостны к соотечественникам» [8, №12, с. 170]. Однако автор очерка признаёт, что главное достижение последних лет – это создание новой, свободной экономики, существующей независимо от государства, приход в неё деятельных и умеющих работать людей, равная конкурентная борьба, выявляющая настоящие таланты. А. Паникин надеется, что те, кто добился успеха и преодолел материальные искушения, придут в элиту государственного управления, осознавая свою деятельность как служение обществу, но разделяют ли его надежды большинство читателей? Углублённое раскрытие внутреннего мира авторов-персонажей этих очерков даёт объективное представление о том, как непросто входит человек в новый для себя мир. Присутствует в них и некоторое самолюбование – вот, мол, как ловко я вписался в новые реалии. Однако персонажи этих очерков – живые люди со свойственными им сильными и слабыми сторонами, противоречиями, увлечениями и ошибками, что заставляет читателя поверить в достоверность событий, изображённых как бы изнутри.

Характерным признаком 90-х стало зафиксированное в очерках ощущение несбывшихся надежд. Такое видение недавнего прошлого утвердилось в первое десятилетие

XXI в., о чём свидетельствуют исследования социологов. А. Левинсон, анализируя воспоминания, отражённые в массовых опросах, отмечает, что 90-е гг. вспоминаются как годы «сплошного кризиса и сплошных неудач, неприятностей и несчастий, охвативших всех. К этому добавляется <...> ненависть к тем, кто внушил тогда надежду, и злость на самих себя, этой надеждой искусившихся» [5, с. 503]. К ним, внушившим надежду, относятся публицисты перестроечного и постперестроечного времени. Большинство их предсказаний не сбылись. Но они всё же познакомили читателя с новой социально-экономической реальностью, не столько наблюдая действительность, сколько погружаясь в неё; для них был важен не холодный анализ, а эмоциональный рассказ о собственном и часто непростом и противоречивом опыте. Надо признаться, что нынешняя публицистика, в частности очерк, не обладает той силой воздействия на общество, которую она имела прежде. Рассмотренные нами очерки можно определить как проблемные. В них воплотились социальные коллизии постсоветского общества 90-х гг., которые стремились осмыслить публицисты, и им удалось сконцентрировать внимание читателя на основных проблемах общественной жизни – социальных, нравственных, психологических. В результате возникла своего рода автобиографическая публицистичность, а жанровые рамки очерка расширились, хотя, возможно, присущий этим очеркам исповедальный психологизм размывал устойчивые границы жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здоровега В. Й. Теорія і методика журналістської творчості: підручник. – 3-тє вид. / В. Й. Здоровега. – Львів: ПАІС, 2008. – 276 с.
2. Канторович В. Я. Заметки писателя о современном очерке / В. Я. Канторович. – М.: Советский писатель, 1962. – 372 с.
3. Коркотадзе А. Челноки / А. Коркотадзе // Дружба народов. – 1998. № 1. – С. 115–137.
4. Лаврова Л. Лишние / Л. Лаврова // Дружба народов. – 1999. – № 7. – С. 132–145.
5. Левинсон А. 1990-е и 1990-й: социологические материалы / А. Левинсон // Новое литературное обозрение. – № 84 (2007). – С. 489–503.
6. Манн Ю. Утверждение критического реализма. Натуральная школа / Ю. Манн // Развитие реализма в русской литературе : в 3 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1972. – С. 234–291.
7. Михеев А. Записки мелкого предпринимателя / А. Михеев // Новый мир. – 1996. – № 11. – С. 159–166.
8. Паникин А. Записки русского фабриканта / А. Паникин // Новый мир. – № 11, 12. – С. 152–181; с. 150–171.
9. Пэнэжко П. Предприниматели. Попытка группового портрета в посткоммунистическом интерьере / П. Пэнэжко // Новый мир. – 1993. – № 12. – С. 175–195.
10. Топоров В. Я не такая, я жду трамвая. Питерская литература на конечной остановке / В. Топоров // Похороны Гулливера в стране лилипутов : Литературные фельетоны. – СПб.: ООО «Издательство “Лимбус Пресс”», 2002. – С. 383–391.
11. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 496 с.

ФУНКЦІОНАЛЬНА СВОЄРІДНІСТЬ ЖІНОЧИХ ОБРАЗІВ РОМАНУ Ш. ГАЙМА «КНИГА ЦАРЯ ДАВИДА»

Предметом статті є дослідження функцій жіночих образів роману, аналіз своєрідності їхнього втілення автором у процесі модифікації біблійного архетипу.

Ключові слова: жіночий образ, біблійна версія образу.

Предметом статті являється дослідження функції жіночих образів роману, аналіз своєобразя їх втілення автором в процесі модифікації біблейського архетипу.

Ключевые слова: женский образ, библийская версия образа.

The subject of the article is investigation of female characters' functions in the novel, the analysis of originality of their embodiment by author in the process of modification of biblical archetype.

Key words: female character, biblical version of the character.

До біблійних жіночих образів роману «Книга царя Давида» німецького письменника Штефана Гайма належать Есфірь, Мелхола, Вірсавія, Фамарь, Авігея, Авісага. Спираючись на Книгу книг, митець дозволяє собі дещо змінювати біблійну канву історій життя героїнь (Есфірь, Авісага, Фамарь). Переважна більшість цих образів, за виключенням дружин Ефана, покликана нести інформацію про Давида, створюючи його щільне оточення.

З відомих нам німецьких літературознавців, які присвятили свої роботи творчості Ш. Гайма, лише Х. Бонерт приділила увагу характеристиці образної системи роману, розглянувши її з погляду сатиричного характеру твору та наголошуючи, що «... різні рівні сатири характеризуються певними особами або групами осіб» [1: 146]. Зауважимо, що сатиричний аспект – це лише один з багатьох вимірів багатогранного твору, у даній статті ми ставимо за межу схарактеризувати інші функції системи образів персонажів.

Жіночі образи роману, використовувані й індивідуально своєрідно утілені автором, можна умовно поділити на декілька груп. Перша група -дружини Ефана. Кожна з жінок виконувала окрему роль у житті історика, серед них Олдана, мати його синів Сима та Селефа, мала функцію продовжувачки роду. Вона – найрідше згадуваний персонаж, Ефан піше про неї лише у зв'язку з синами та коли потребує допомоги хтось із членів родини, ми не маємо її портретної характеристики, у романі відсутні її репліки, не показане спілкування з іншими членами родини; це, так би мовити, безголосий персонаж твору, майже технічний образ, покликаний безмовно ілюструвати та супроводжувати гармонію повноцінного сімейного життя Ефана. Інші жінки, навпаки, активно спілкуються з чоловіком, цікавляться його справами та, в залежності від свого покликання та здібностей, розраджують і підтримують голову родини. Ядро їхнього характеру окреслюють такі риси, як любов, відданість своєму чоловікові, турбота про нього. Кожна дружина має свої обов'язки у родині Ефана: «Ich aber kehrte zurück <... > um mich von Lilith baden